

щественно в деталях, а не является структурным элементом всей композиции, позволяющим глубоко раскрыть какое-либо явление или характер. Поэт с необычайным совершенством как бы одним взглядом схватывает отдельные черты изображаемого. Но это его умение служит, как правило, лишь выражению впечатлений о предметах. Еще при жизни Языкова в критике отмечалось, что самые сильные стороны таланта Языкова зачастую оборачивались его слабостью. Ксенофонт Полевой признавал, что стих Языкова «закален громом и огнем русского языка. Немногие из стихотворцев русских умели так счастливо пользоваться богатством выражений и неожиданностью оборотов нашего могучего языка». Но вместе с тем Полевой подчеркивал, что достоинства Языкова можно выразить тремя словами: «Он поэт выражения». «Мы не нашли в нем никаких глубоких, многообъединяющих идей», — продолжал Полевой, отмечая свойственную поэту «односторонность».⁹ Белинский, утверждая, что «Языков много способствовал расторжению пуританских оков, лежавших на языке и фразеологии»,¹⁰ в то же время на многих примерах показал, что односторонность его поэзии, недостаточность в ней идейного содержания, часто приводила к риторике и к предпочтению мысли — эффектности формы.¹¹ Языков не сумел соединить сильные, живописно-изобразительные, экспрессивные стороны своей поэтической системы с теми, которые у Пушкина — продолжателя лучших традиций поэзии XVIII в. и новатора, обозначили реалистическую эпоху в русской литературе.

Таковы в общих чертах контуры темы о «державинском» в поэзии Языкова, еще ожидающей развернутого исследования.

---

⁹ «Московский телеграф», 1833, т. VI, стр. 237.

¹⁰ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. V, М., 1954, стр. 561.

¹¹ Там же, т. VIII, стр. 451—459.